

ИСТИНА КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Эльзода Мухиддинова

Магистр направления «Право государственного управления»
Ташкентского государственного юридического университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7198547>

Истина и возможность ее достижения, познания вызвали интерес не только у процессуалистов, но и у социологов, историков философов и т.д. В науке нет единого мнения о понятии «истина», этот вопрос был и остается дискуссионным.

В рамках такого понимания истины неизбежно возникали разногласия по вопросу отражения явлений, событий окружающей действительности, что напрямую связано с возможностью познания человеком истины, и тем более в ограниченные временные рамки, как того требует уголовный процесс. Особый вклад в научное обоснование рассматриваемой концепции истины внесли представители диалектического материализма.

Существуют понятия объективной истины, конвенциональной истины, и формальной. Здесь процессуалисты обсуждают не только и не столько возможность достижения истины, сколько модель уголовного правосудия. Например, институт (концепция) объективной истины характерен для континентальной правовой семьи. Институт (концепция) конвенциональной (договорной) истины, как и формальной истины, более характерен для англо-американской правовой семьи, когда на первый план выходит соответствие доказательств определенным требованиям (допустимости, достоверности, относимости и достаточности) с формальной точки зрения.

Институт конвенциональной истины, как ни странно, существует в современном уголовном процессе. Согласно ему тот или иной факт признается истинным не из-за его соответствия действительности, а потому, что между сторонами заключено соглашение или законом установлено правило о признании определенных положений истинными.

Конвенциональная истина в той или иной степени присутствует во всех уголовно-процессуальных моделях. Одним из наглядных примеров конвенциональной истины является принцип презумпции невиновности.

Подозреваемый (обвиняемый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Даже в том случае, когда преступление совершено на глазах у десятка свидетелей, обвиняемый не может быть признан виновным до тех пор, пока приговор суда не вступит в законную силу. То же самое относится и к другому компоненту рассматриваемого принципа, согласно которому любые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого. У суда могут возникнуть сомнения, в частности, при признании доказательств вины недопустимыми из-за нарушения процедуры сбора этих доказательств.

Когда институт конвенциональной истины представлен только презумпцией невиновности, тогда положительных аспектов больше, чем отрицательных, и конвенциональный подход в этой ситуации более чем оправдан, он и гуманен, и справедлив одновременно - на то и суд, чтобы признать виновным или оправдать, для этого и существует разделение властей. Другое дело, когда институт общепринятой истины преувеличен до такой степени, что с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (или согласие с обвинением). Как вы знаете, особый порядок судебного разбирательства был заимствован отечественным уголовным процессом из англо-американской системы правосудия.

Институт конвенциональной истины сочетается с институтом формальной истины, согласно которому именно соответствие доказательств определенным требованиям имеет ключевое значение для принятия решения (вынесения приговора).

Законотворческая инициатива, касающаяся объективной истины в уголовном процессе, не могла возникнуть без достаточных оснований. Эта проблема существовала и существует и по сей день. И у этой проблемы есть несколько аспектов.

Законотворческая инициатива, касающаяся объективной истины в уголовном судопроизводстве, не могла возникнуть без достаточных оснований. Эта проблема существовала и существует по сей день. И у этой проблемы есть несколько аспектов.

Один из них касается внедрения примирительных институтов в уголовный процесс, другой касается гипертрофизации принципа состязательности (который, по мнению ряда процессуалистов, не способствует установлению истины), третий касается пассивной роли суда в установлении обстоятельств преступления (отсутствие судье в действующей уголовно-процессуальной доктрине отводится роль арбитра, и истина должна быть установлена обвинением и защитой в состязательном процессе).

Представляется, что действующая уголовно-процессуальная доктрина содержит слишком много формальных ограничений, связанных с допустимостью доказательств, правом не свидетельствовать против своих близких родственников, правом подозреваемого (обвиняемого) отказаться от дачи показаний и т.д.

Как справедливо отмечает профессор Ю. К. Орлов, в современном уголовном процессе созданы условия для установления формальной истины, а не объективной (материальной) истины. Эти проблемы имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Справедливым, на наш взгляд, является утверждение профессора Ю. К. Якимовича о том, что целью доказательства является объективная истина, но только по отношению к предмету доказывания и в его пределах.

Мнение о том, что объективная истина не может быть целью уголовного процесса и доказывания, возникает, на наш взгляд, из-за отождествления цели и результата доказывания. Если в каждом конкретном случае нет объективной возможности достичь желаемого результата, то это не значит, что цель была поставлена неправильно. Принцип презумпции невиновности прописан в Конституции и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан, и если цель доказывания не достигнута, этот принцип вступает в силу.